

ПРОБЛЕМА КАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В 1950—1954 гг. были опубликованы новые карийские тексты, в том числе большая Кавинская надпись и так называемая Афинская билингва, сохранившаяся, к сожалению, лишь частично¹. В связи с этим были предприняты очередные попытки дешифровки карийских надписей, в целом окончившиеся неудачно². В 1953 г. известный французский исследователь древних языков О. Массон положил начало новому этапу изучения карийских текстов, связанному с ревизией существующих редакций (collation)³. В этой работе принял участие крупный французский египтолог Ж. Юайотт, в результате чего обоими учеными был произведен эпиграфический анализ карийских надписей (в том числе египетско-карийских псевдобилингв) на египетских памятниках, хранящихся в различных коллекциях⁴. Это исследование было чрезвычайно положительно встречено критикой⁵. В дальнейшем авторы предполагали исследовать аналогичным образом граффити Абидоса⁶, Абу Симбела⁷ и ряда других районов, а также граффити гробницы Монтумехата, обнаруженные Ж. Лекла-

¹ См. перечень публикаций карийских надписей в работе: L. De-go у. *Les inscriptions cariennes de Carie*. «L'Antiquité classique», 24, 1955, стр. 334. В этой работе содержатся факсимиле карийских текстов Карики. Здесь же перечислены и более ранние публикации. Следует отметить, что один из древних малоазийских языков, карийский, долгое время был представлен главным образом надписями, обнаруженными в Африке. Многие из этих надписей принадлежат карийским солдатам, служившим в египетской армии, см.: И. Фридрих. Дешифровка забытых письменностей и языков. Русск. пер. М., 1961, стр. 162—163. Карийские надписи Египта датируются VII—IV вв. до н. э., Афинская (греческо-карийская) билингва — VI в. до н. э., карийские надписи Карики — IV—III вв. до н. э.

² См.: А. Неубек. Рец. на кн.: О. Массон, Ж. Юайотт. *Objets pharaoniques à inscription carienne*. «Gnomon», 31, 1959, стр. 333 и сл. Ср. также: И. Фридрих. Указ. соч., стр. 164.

³ О. Массон. *Textes cariens d'Égypte*, I. — RHA, t. XII, fasc. 55, 1953, стр. 32—38.

⁴ О. Массон, Ж. Юайотт. *Objets pharaoniques à inscription carienne*. «Institut français d'Archéologie Orientale. Bibliothèque d'Étude», t. XV. Le Caire, 1956 [1957], стр. 77, табл. 9.

⁵ Кроме указанной рецензии А. Хойбека, см. также рецензии: L. De-go у. «Orientalia», vol. 28, fasc. 1, 1959, стр. 101—102; J. Leclant. *RPh*, t. XXXIV, fasc. 2, 1960, стр. 339—340.

⁶ Большая часть этих граффити была исследована на месте проф. Юайоттом в 1955 г., причем ему удалось обнаружить ряд неизвестных ранее (см.: О. Массон, Ж. Юайотт. Указ. соч., стр. XI, сн. 1).

⁷ По заданию ЮНЕСКО эти граффити исследовал на месте проф. А. Бернан в 1956 г.

ном в 1951 г.⁸, однако, к большому сожалению, эта работа осталась незавершенной. Ревизию карийских текстов КариИ предпринял Л. Деруа, строивший свои выводы на материале консультаций и фотокопий⁹. В статье Л. Деруа содержатся весьма тщательно выполненные факсимиле всех карийских текстов КариИ, а также карийской версии Афинской билингвы, что делает эту статью весьма удобным пособием для исследователей, работающих в области дешифровки карийского языка. Тем не менее редакция надписей, предложенная Л. Деруа, в ряде случаев нуждается в перепроверке¹⁰.

В связи с находкой в 1949 г. Кавнской надписи, в которой на 240 знаков приходится всего 27 разных, Х. Боссерт высказал мысль о буквенном характере карийской письменности¹¹. А. Хойбек, поддерживая точку зрения Боссерта, полагает, что кавнский алфавит насчитывал около 30 букв¹². О. Массон пришел к выводу, что в карийских текстах Египта и Нубии использовалось не более 35 разных знаков¹³. Видимо, эта цифра несколько преувеличена: есть все основания полагать, что Υ и γ представляют графические варианты одного и того же знака (точно так же, как Ψ и ψ ; Υ и \vee); весьма вероятно, что графическими вариантами являются и знаки B и B ; P и B ; V и B ; \uparrow и T , причем такая идентификация основана не столько на форме, сколько на дистрибуции указанных знаков¹⁴; следует также учесть, что замечание Массона о необходимости хронологической и топографической классификации знаков, которыми написаны карийские тексты КариИ (стр. 66—68), применимы в определенной степени и к карийским текстам Африки; во всяком случае буквенный характер карийской письменности (или, вернее, ее разновидностей) представляется несомненным. В этом плане весьма интересны замечания О. Массона о возможном звуковом характере знаков \uparrow (дентальный согласный¹⁵ — стр. 34, сн. 2), V ($[w]$ или $[B]$; не путать с более частым знаком для n — стр. 5—6, сн. 1) и Q ($[i]$) как полагал еще Торп, исходя из весьма высокой частотности этого

⁸ Некоторые из них были опубликованы в качестве приложения к работе: J. Leclant. Fouilles et travaux en Égypte. «Orientalia», 20, 1951, стр. 474.

⁹ L. Derou. Указ. соч., стр. 334 и сл.

¹⁰ Ср.: O. Masson, J. Yoyotte. Указ. соч., стр. 5, сн. 1; стр. 26, сн. 1; стр. 47, сн. 2.

¹¹ См. замечания Х. Боссерта в статье: F. Steinherr. Zu den neuen karischen Inschriften. — JKF, 1, 1950—1951, стр. 331. Аналогичную мысль высказывал в 1940 г. Б. Менц (см.: B. A. Mentz. Schrift und Sprache der Karer. — IF, 57, 1940, стр. 267—272), что явилось реакцией на неудачные попытки дешифровать карийский язык на основе интерпретации ряда знаков как силлабем типа «согласный + гласный», чем особенно увлекался Ф. Борк (см.: F. Bork. Die Schrift der Karer. «Archiv für Schreib- und Buchwesen», 4, 1930, стр. 18—30). Однако Менц совершенно не учитывал реальной дистрибуции знаков в карийских надписях, надеялся к тому же эти последние характером, ни в коем случае им не свойственным (ср., в частности, резкую критику в адрес Менца, высказанную в указанной рецензии Хойбека; ср. также: H. Jensen. Die Schrift in der Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1958, стр. 452).

¹² A. Heubeck. Указ. соч., стр. 336.

¹³ O. Masson, J. Yoyotte. Указ. соч., стр. 68 (ср. табл. на стр. 67). Далее ссылки на эту работу даются в основном тексте.

¹⁴ См.: V. Sevoroškin. On Karian. — RHA (в производстве).

¹⁵ О возможном характере соответствующего лидийского знака см. из последних работ: A. Heubeck. Lydiaka. Untersuchungen zu Schrift, Sprache und Götternamen der Lyder. Erlangen, 1959, стр. 51—58.

знака; к аналогичным выводам приводит анализ карийской ономастики — стр. 38—39, сн. 3)¹⁶, чередующегося с Θ [e] (звуковой характер этого знака установлен достаточно четко еще в конце прошлого века)¹⁷. Карийское Θ AFM- в звуковом отношении традиционно интерпретируется Массоном как [tavs-], однако этой параллели между указанным образованием (представляющим, очевидно, собственное имя) и известной глоссой Гесихия ($\tau\alpha\upsilon\varsigma \cdot \mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma, \text{ πολ\acute{\upsilon}\varsigma}$) предпочитается сближение карийской формы с карийским же собственным именем * $\tau\alpha\upsilon\varsigma\alpha\varsigma$, восстанавливаемым на основе генитива $\tau\alpha\upsilon\varsigma\alpha\delta\alpha\varsigma$ (δ — основа; Галикарнас, V в. до н. э.) (стр. 34—35)¹⁸. Разумеется, предположение о генетическом соответствии этих образований лидийской основе $\tau\alpha\upsilon\delta$ - (в $\tau\alpha\upsilon\varsigma\alpha\varsigma$ 'великий, мощный') остается в силе. Вызывает возражение предположение о тождестве между \square и ζ (стр. 64)¹⁹, ибо из распределения знаков в текстах с достаточной очевидностью следует вывод об идентичности первого знака распространенному знаку F ([v], ср. выше). Это отождествление было с полным основанием произведено Ф. Штайнгером и впоследствии поддержано Х. Штольтенбергом²⁰.

Все эти знаки рассматриваются как совершенно независимые графические образования в таблице, содержащейся в названной выше статье Дерау, что само по себе не вызывало бы возражений, если бы и другие графические варианты трактовались аналогичным образом. Дерау объединяет, однако, графические варианты в одну рубрику [например, N и И (знак № 38 в его таблице)]²¹, причем в одну и ту же рубрику у него попадают F и Λ , хотя последний из этих знаков является не чем иным, как графическим вариантом A, что с достаточной очевидностью следует, во-первых, из дистрибуции знаков (в частности, из того факта, что A является гласным, а F — согласным²²), во-вторых, из «лексических» соответствий (ср. например D 7 и D 10), в-третьих, из сравнения с греческими надписями того же района и той же эпохи, содержащими аналогичные альфы. Следует, наоборот, объединить в одну рубрику знаки Γ и Δ , являющиеся графическими вариантами, а также ряд других знаков (№ 9 и 10; 36 и 46; 16, 17, 23 и 28; 18 и 19; 14 и 22; 44 и 50 в таблице Дерау) и т. д.; здесь нет возможности рассматривать все упущения Дерау. Если исключить из рассмотрения тексты D 4, D 5, D 17, D 18, репертуары знаков в которых весьма отличны от таковых в основных

¹⁶ Ср. замечания Массона с ссылкой на Торна уже в его выше указанной статье, стр. 33.

¹⁷ Ср.: P. Kretschmer. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen, 1896, стр. 381 (с ссылкой на Сейса).

¹⁸ Ср.: A. Heubeck. *Präegaesa*. Erlangen, 1961, стр. 48—49.

¹⁹ Следует отметить, что транскрибируемый посредством g (= C) знак упоминаемого Массоном карийского слова представляет собой весьма отчетливое \square (= F [v]).

²⁰ F. Steinherr. *Указ. соч.*, стр. 333; H. Stoltenberg. *Neue Lesung der karischen Schrift*. «Die Sprache», IV, 1958, таблица.

²¹ В эту же рубрику попал и знак для [B], ибо для него не отведено специальной графы; это не значит, впрочем, что любой знак с наклонными балками обозначает указанный звук; так в D 15 (т. е. в надписи № 15 по нумерации Дерау) все «наклонные» знаки суть λ , что ясно из сопоставления с другими надписями; знак для [w = B] подчас выделяется в надписях с «четким почерком» тем, что имеет иное направление средней балки, ср. концовку надписи D 11.

²² О дистрибуции карийских знаков, в частности о поляризации классов (гласные: согласные), см.: В. В. Шеворошкин. *О структуре звуковых цепей*. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963.

текстах Кари²³, то останутся 31—32 знака, причем некоторые из них свойственны лишь одной надписи [или определенной группе надписей: так, знак № 47 встречается только в Кавнской надписи; знак № 42 — только в D 9—D 11, в которых, с другой стороны, совершенно не встречается E (№ 31, по Деруа)]. Редкий знак той или иной надписи (формально идентичный часто встречающемуся знаку других надписей) может, кроме того, являться «лишним» в группах знаков, соответствующих той или иной звуковой группе; все эти выводы противоречат данным Деруа и смыкаются с положениями Боссерга и Хойбека о буквенном характере карийской письменности; аналогичный вывод фактически содержится также и в работе Массона и Юайотта²⁴.

Ряд интересных замечаний относительно возможных значений карийских знаков содержится и в специальных работах по дешифровке карийского языка, принадлежащих Штайнгеру и Штольтенбергу²⁵. Таблица, идентификации знаков, составленная Штольтенбергом, безусловно, содержит ряд здравых мыслей [отожествление вариантов знаков для *a*, *v*, *z*, *l*, *ā* (вернее, для *i*; в трактовке этого знака Штольтенберг некритически следует за Сейсом)]. Штольтенберг неправ в идентификации вариантов знака \times , $+$ со знаком для *b*, в трактовке \uparrow как *zi*, в трактовке «прямоугольника» как *ija* и в ряде других случаев: так, \wedge трактуется им как *uw*, однако этот знак является согласным и чередуется с Δ в $N\Delta A$; χ (очевидно, согласный из «группы *t*», ср. лик. ϑ), по Штольтенбергу, имеет значение *nda* (но ведь в карийском есть $N\Delta A = nda$, по транскрипции Штольтенберга же). Таким образом, чтения Штольтенберга во многом необоснованны; следует только сожалеть, что он пользовался этими чтениями в своих дальнейших работах по карийскому, а также эрусскому и ликийскому языкам.

Что же касается работ Штайнгера, то его чтения еще более далеки от действительности (ср. трактовку Γ как *b*; P «оборотного» как *t* во второй статье этого автора); низкий методический уровень статей Штайнгера можно проиллюстрировать следующим примером: кар. MO \uparrow интерпретируется Штайнгером как *soli*²⁶; это ему необходимо для обоснования тезиса о билингвальном характере надписи D 7; звуковое соответствие он находит в $\Upsilon\sigma\sigma\lambda\lambda\omicron\varsigma$; однако в следующей же строке встречается идентичное карийское «окончание» в другом слове, уже не имеющее никакого соответствия в греческом тексте. Весьма интересно замечание Штайнгера о «гласном \oplus »²⁷. Действительно, этот знак, звуковое значение [t] которого в ряде надписей представляется несомненным, ведет себя довольно странно в некоторых надписях усыпальницы Монтумехата (бросается в глаза его параллелизм с O [o]; ср. концовку прямых строк в L 10 и L 11 = fig. 37 и fig. 38 в указанной выше работе Леклана); следует отметить, что и в некоторых других надписях Египта этот знак функционирует как гласный; в L 10 он встречается чрезвычайно часто — черта в большинстве надписей ему не свойственна; возможно, мы имеем дело с омографами, соответствующими [t] и [o] ([ō]?).

Особняком стоит недавнее исследование В. Георгиева «Индоевропейский характер карийского языка», основанное исключительно на данных,

²³ Ср. замечания Массона о локальных алфавитах, цитируемые Деруа в названной выше статье.

²⁴ Следует учесть, что Массон исключил из рассмотрения некоторые надписи, «карийский» характер которых весьма сомнителен; это, естественно, сузило репертуар карийских знаков в надписях Египта.

²⁵ F. Steinherr. Указ. соч., стр. 328—336; его же. Der karische Apollon. «Die Welt des Orients», Bd 2, H. 2, 1955, стр. 184—192; H. Stoltenberg. Указ. соч., стр. 139—151.

²⁶ F. Steinherr. Der karische Apollon, стр. 190.

²⁷ Там же, стр. 186.

содержащихся в греческих (и латинских) источниках²⁸. В первой части статьи В. Георгиева, посвященной исторической фонетике и в определенной степени основывающейся на выводах В. Бранденштейна²⁹, вызывает возражение, в частности, трактовка -λλ-, -λδ- в карийских словах как развитие -lj- (в качестве типологического подтверждения приводится н.-греч. диал. ἄλδος = ἄλλος 'другой' < и.-е. aljo-s, где d (đ) < j); в качестве другого возможного объяснения предполагается диссимилятивный сдвиг *ll* > *ld* (стр. 608). Гораздо более убедительной представляется интерпретация Хойбека, возводящего кар. λ(λ) = λδ к специфическому карийскому звуку, воспринимавшемуся греками как нечто среднее между λ и δ³⁰. Несомненно, функционирование этого специфического звука имело прямое отношение к древнему малоазийскому чередованию *l*: *d*. Видимо, не существовало и хронологически обусловленного перехода λλ > λδ, ибо известные до сих пор факты свидетельствуют лишь о параллелизме в употреблении обоих сочетаний³¹. Аналогичные замечания могут быть сделаны и в отношении карийских суффиксов, содержащих -λ(λ)-, -λδ-, анализируемых во второй части статьи, посвященной словообразованию.

Замечание о делабиализации лабиовелярных в карийском (стр. 608) не соответствует действительности. О наличии в карийском категории лабиовелярных свидетельствуют предвокальные сочетания *ko-*, *xv-*, *kov-*, *ka-* в карийских именах, содержащихся в греческой передаче. С помощью этих сочетаний греки, в языке которых в эпоху заимствований уже не существовало лабиовелярных, пытались передать карийское *kw* (аналогичным образом греки передавали латинское *qu*, ср. *κωαδρῆτος* ≤ *quadratus* и т. п.).

Укажем на некоторые ошибки, содержащиеся в третьей, основной, части статьи Георгиева, посвященной карийской этимологии. Слово *κακχαβη* 'голова коня' («Hengst» в свободном переводе Георгиева, возводящего это слово к и.-е. **kanko-bhā* 'скакун', ср.: герм. *hanha* 'сильный, быстрый', лит. *šankùs* 'быстрый'), которое некоторые исследователи, вслед за О. Блау (1873 г.), считали карийским, видимо, представляет собой пуническое заимствование, родственное аккадскому *kukubu* 'сосуд'³². Сопоставление первого элемента *Λων-δαργος* (эпитет карийского Зевса) с хетт. *lahhiiani* (стр. 613) не выдерживает критики: карийские тексты дают ясное свидетельство о сохранении в интервокальном положении фонемы [k] (кар. ψ), соответствующей, в частности, хеттскому клинописному *ḫḫ*, хеттскому иероглифическому и лувийскому *ḫ*³³. Слово *ἰδη* 'лес' возводится Георгиевым к индоевропейскому **Widhw-ā* (стр. 610), что маловероятно³⁴; уноминаемого им. на стр. 618 слова *Ὀύζωλος* в действительности

²⁸ Vl. Georgiev. Der indoeuropäische Charakter der karischen Sprache. «Archiv Orientalní», 28/4, 1960, стр. 607—619. — Утверждение В. Георгиева, что карийские надписи ничего не дают исследователю карийского языка (стр. 607), уже на основании изложенного выше представляется слишком пессимистичным.

²⁹ W. Brandenstein. Karische Sprache. В кн.: Pauly — Wissowa. Realencyclopädie der Altertumswissenschaft, Supplementband VI. Stuttgart, 1935 [1936].

³⁰ A. Heubeck. Praegraeca, стр. 25.

³¹ A. Heubeck. Lydiaka, стр. 19.

³² G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961, стр. 77. — В качестве типологической семантической параллели Нойман приводит переход *testa* > *tête*.

³³ См. мою работу «Карийский вопрос» (ВЯ, 1962, № 5, стр. 97); кар. *Λων-* ≤ *Ρων*.

³⁴ A. Heubeck. Praegraeca, стр. 15.

не существует³⁵. Некоторые слова наделены совершенно бездоказательными этимологиями [например, *τοὐζόλοι* 'гномы', выводимое из и.-е. **(s)tukto + -ula*, ср. ирл. *tocht* 'часть'; *τυμνισός* 'прут, посох', выводимое из и.-е. *(s)tu(m)pn-ikjo-s* и т. п.]. Ограниченные рамки обзорной статьи не позволяют дать более подробный анализ работы Георгиева³⁶.

В целом приходится констатировать, что исследования по карийскому языку, написанные за последние десять лет, малоудачны, за небольшим исключением. Такое положение вещей объясняется прежде всего порочной методической установкой исследователей, интерпретировавших тот или иной факт в полном отрыве от других, прямо или косвенно с ним связанных.

А между тем всесторонний структурно-дистрибутивный анализ карийских текстов позволяет отделить в них гласные от согласных, выделить элементы, принадлежащие локальным алфавитам, отделить графические чередования от чередований, соответствующих колебаниям в произношении, и т. п. Исследование частотных взаимоотношений греческих букв в карийских именах, сохранившихся в греческой передаче, и знаков в карийских текстах позволяет определить звуковые значения отдельных карийских букв или во всяком случае отнести их к той или иной группе. Сравнение полученных результатов с внешними данными позволяет проверить правильность выводов и сделать обобщения, которые могут послужить предпосылкой для дальнейших исследований. Естественно, что наиболее легко поддаются исследованию карийские тексты Африки, в основном содержащие, как это было установлено еще в прошлом веке, собственные имена³⁷.

В. В. Шеворошкин

³⁵ Это «слово» представляет собой результат неверного чтения И. Сундвалем греческого собственного имени *Θυζώλος*, см.: L. Robert. *Études épigraphiques et philologiques*. Paris, 1938, стр. 183.

³⁶ В настоящей статье по тем же причинам не анализируется принадлежащая М. Трою первая попытка дешифровать Афинскую билингву, основанная, впрочем, на ложных предпосылках (M. Treu. *Eine griechisch-arkarische Bilingue und ihre Bedeutung für die karische Schrift*. «Glotta», 34, 1954, стр. 67—71; ср.: J. Robert, L. Robert. *Bulletin épigraphique*. — REG, 68, 1955, стр. 212 и сл.); не затрагивается также обширный сопоставительный материал, содержащийся (в сносках) в монографии А. Ломонье (A. Lamonier. *Les cultes indigènes de Carie*. Paris, 1958) и представляющий собой перечень традиционных и во многом неверных этимологий (что же касается основного содержания книги Ломонье, то оно, безусловно, заслуживает самой высокой оценки и, возможно, принесет большую пользу при дальнейшем изучении карийского языка, как и интересное исследование Перихаян «Храмовые объединения Малой Азии и Армении». М., 1960).

³⁷ Подробнее см.: В. В. Шеворошкин. Карийский вопрос. — ВЯ, 1962, № 5; его же. О хетто-лувийском характере карийского языка. — ВЯ, 1963, № 3; V. Ševoroškin. *On Karian* — RHA (в производстве) и др.